

АНТОН ВИСКОВ

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ НОТНОЙ ТЕТРАДИ

Гуляли со Свиридовым в осеннем сосновом лесу вокруг его дачи в Жуковке. Неожиданно для меня открылась дивная лесная поляна, ограниченная, будто колоннами, стройными рядами столетних сосен, верхушки которых золотил таинственный свет закатного (или “незакатного”) солнца. Вот уж поистине “пришедше на Запад Солнца, видевше свет вечерний”. Внезапно, как вкопанный, останавливается Георгий Васильевич, вздымает “руцы горе” и торжественно, радостно вопрошает, слегка улыбаясь от овладевшего им чувства восторга: “Висков, кто смеет утверждать, что Бога нет?! Вот же Он!” – и разводит вокруг руками. Действительно, красота была Божественная. И мне подумалось, что наивернейшее доказательство Бытия Божия в этом немотивированном, логически не обоснованном и материально не заинтересованном чувстве, “дивно даденном нам” – чувстве красоты, беспредельности, гармонии окружающего нас мира. Уста невольно слагают хвалу Создателю, ибо не испытывали бы мы чувства преклонения “в святой обители природы”, если сами не были сопричастны творению, его великому смыслу и оправданности.

Гениальный творец абсолютно не способен к подражанию уже существующим образцам: в нём заложена непреодолимая тяга к открытию нового, он постоянно “прорубает тоннель в скале”, по которому потом с лёгкостью будут идти его эпигоны. Но самому пройти по проложенной кем-то дороге он не способен в силу его Дара, в силу его психологического склада! Свиридов сочинял так, будто бы высекал из мрамора скульптуру: вокруг летели каменные брызги и крошки, и отваливались огромные куски. Он своей гигантской волею словно бы овладевал неподатливой материей, заставлял её служить себе, вдыхал в неё жизнь, сообщал ей Божественный Дух. Сейчас поражаешься не только бездонности глубины его творений, но и их неожиданности, неслыханности и в то же время складности, гармоничности, парадоксальному сочетанию логичного и непредсказуемого. Он создавал логические связи там, где их до него не существовало, творил космос из хаоса. “Я счастлив только тогда, когда я сочиняю! – говорил он, – когда *этого* не было и вдруг появилось, когда из хаоса звука вдруг начинает вырисовываться какая-то гармония!”.

В людях сознательно и планомерно уничтожается стремление к высокому. Всё делается для того, чтобы опустить человека до уровня скотины, не способной ни о чём ни думать, ни размышлять. Различные формы воздействия на психику личности абсолютно дегенерировали мыслительную способность большей части населения. Воля к познанию произведения искусства, потребность в духовном и нравственном совершенствовании полностью забыты агрессивными, яростными и преступными атаками, которые со всё нарастающей силой обрушиваются на сознание человека с экрана телевизора, компьютера, из динамиков и наушников, со страниц газет и журналов. Усталость

человечества – искусственно созданное состояние, цель которого полная парализация любых творческих сил личности, низведение человека до скотского состояния, лишение человека его Божественной сущности. Долг художника – вести постоянную борьбу с этим общемировым злом, победа над которым предрешена, ибо “Бог посрамляем не бывает”!

Процесс разрушения культуры как сущностной основы человека представляется отнюдь не стихийным “плодом цивилизации”, а хорошо спланированным “преступлением против человечности” и носит, безусловно, религиозный характер, представляя собой борьбу с Богоподобием человека, низведением его к скотскому, или, того хуже, зомбиобразному состоянию. Огромные средства во всём мире тратятся на пропаганду и возвеличивание воинственного невежества, или откровенного идиотизма, облачённого в псевдохудожественную, псевдофилософскую форму. Отсутствие школы и глубоких знаний в художественном деле, доморощенность и самодеятельность рисуется в качестве неотъемлемой части “современного” искусства, так же как и презрение, незнание классики маскируется под лукавым тезисом противопоставления “старой” и “новой” культуры. В этой цепи подмены искусства его противоположностью важную роль играет разрушение строгого классического образования, замена его псевдообразованием, не способным дать художнику даже элементарных профессиональных навыков.

В художественном деле, как ни в каком другом, необходима строгая художественная цензура. “Плюрализм” и “волютаризм” в искусстве всегда приводят к размыванию критериев и оценок тех или иных явлений искусства, расслабляют волю творцов, способствуют разрежению творческой энергии, что в конечном счете создает условия, при которых абсолютно невозможно появление высоких художественных ценностей, а тем более шедевров. Высшие проявления художественного гения могут иметь место, как ни парадоксально, только в достаточно жёстких социальных режимах, когда государство выступает не только как строжайший цензор, но и проявляет максимальную материальную заботу о художниках.

Антихудожественность и творческая импотенция в своём арсенале имеет целый гербарий фиговых листочков различных понятий, терминов, концепций и т. д. Поля плесени выросли в связи с различными трактовками так называемого “искусства мегаполиса”. Этот откровенный “андеграунд”, культурная помойка для всякого рода людского отребья, подонков и идиотов представляется в качестве “новой ступени культурного развития человечества, связанного с новыми реалиями жизни в крупных городах”. На подпитку этой ядовитой грибницы бросаются крупные средства, и смердящая плесень заполонила собой огромные пространства художественного сознания людей, уничтожив даже понятие о подлинном искусстве. Калёным железом следует выжигать эту заразу, необходимо загнать её на своё настоящее место: в подземелье, чтоб даже духу её не было на поверхности жизни.

Рождение художественного произведения – мистический, поистине религиозный акт. В нём реально ощущается присутствие Святого Духа. На этом во многом основывается моя вера, моя уверенность в существовании Божественного, полная и безоговорочная, аксиома души. Надо искать веру внутри себя, надо вскармливать и лелеять ростки этой веры, бережно сохраняя ту невидимую духовную связь, соединяющую тебя с Богом.

Мусоргскому не нужно было изобретать мелодии: он слышал их в интонациях речей окружающих его людей – крестьян, юродивых, кликуш, лиц духовного звания. Их интонационный строй был необыкновенно разнообразен и поразительно музыкален. Это и была та “музыкальная правда”, к которой стремился композитор. В настоящее время всё интонационное богатство русской речи затёрто тупым катком однообразного, как бетонная стена, сленга, на котором разговаривают, в большинстве своём, ведущие теле- и радиопрограмм. Их задача – погубить русскую речь. Результатом их деятельности является то, что не только почти вся молодежь, но и люди среднего поколения, начисто лишены индивидуальности своих речевых интонаций, а говорят, как запрограммированные косноязычные картавые аппаратики. Какая уж тут музыка!

Живём, как у грохочущего водопада, изливающего на нас грязные потоки звуковых помоев, хочется тишины, великой Божественной тишины, в которой только и можно ощутить гармонию мироздания.

Свиридов, как и его великие предшественники, писал музыкальные романы и повести, а сознание слушателя сейчас развращено до такой степени, что в лучшем случае способно воспринимать комиксы и анекдоты. Мировая культура густо поросла сорняками, с которыми надо бороться, выращивая полезные растения. Всё более актуальной становится мысль великого В. В. Стасова о том, что музыкальное сознание возможно формировать только на уровне начального воспитания. Необходимо создание современного музыкального репертуара, основанного на наших отечественных традициях, именно для детских музыкальных школ, хоровых студий и т. д. Ведь интерес ребят к почвенной культуре огромен – свидетельствую об этом на основании собственного опыта выступлений в юношеской аудитории: для них это “terra инкогнита”, ничего подобного они и не слышали, соответственно и реакция: глазёнки горят, слушают затаив дыхание. Особенно важно сохранять высокий строй православного духовного искусства. Незнания в этой области просто поразительные, хотя сейчас, благодаря многим усилиям Православной церкви, есть значительные положительные изменения. “Господи, укрепи нас в благих делах наших, настави на путь истинный!”

Хочешь быть с Богом – будь с Ним, тогда и Бог будет всегда с тобой. Это и просто и сложно, так как осуществлению простого шага ко Господу всегда что-то мешает – сомнения, скептицизм, неверие. Поверить просто, как ребёнок верит в красоту мира, очень нелегко. Великая музыка укрепляет нашу веру, она – неоспоримое свидетельство бытия Божия.

В великой музыке – печаль и сострадание Господа Бога о погибающих душах Его детей, призыв к покаянию всех блудных сыновей Его.

Музыка Свиридова завораживает, она мистична, она – заговор, заклинание, молитва! В ней всегда присутствует тайна, она властно овладевает сознанием, душой, как некая “мантра”. “Вы маг и чародей, Георгий Васильевич! Ваша музыка (да и Вы сами) гипнотически воздействуете! (По крайней мере на меня)”. Но это всегда Музыка, приобщающая Святым Таинствам, это всегда – Православная Музыка!

В человеке присутствует ген саморазрушения: потребляя и ища всё новые удовольствия, человеческий организм сам себя уничтожает! (И себя, и других!) С биологической точки зрения это необъяснимо: ни одна животная популяция не будет себя уродовать и истреблять. С религиозной точки зрения это понятно: грех это и есть саморазрушение. Смысл распространения пороков и грехов – в уничтожении “венца Божьего творения”. Огромные массы людей, в большинстве своём неосознанно или по безысходности, участвуют в этом всемирном процессе. Задача искусства и музыки – бороться с греховным началом в человеке, пробуждая его совесть (ощущение Божественного присутствия в душе каждого), раскрывая перед ним красоту и гармонию мира, восторг жизни, приобщая человеческие сердца к светоносной Божественной Любви. Человек, хотя бы раз ощутивший в своей душе теплоту Божественного света, не сравнимую ни с какими земными ощущениями, навсегда сохранит его в своей духовной памяти, неосознанно сопоставляя с ним все свои последующие жизненные впечатления. Путь порочных, греховных удовольствий вряд ли удовлетворит того, кто познал счастье Божественной Любви. Поделиться своим духовным опытом как можно с большими людьми – задача художника, подобно пастырской задаче. “Мира восторг беспредельный сердцу певучему дан!” Так передай этот огонь другим, как Прометей!

В моей душе время от времени возникают совершенно разные ощущения собственного бытия. Порой – ясная крепчайшая уверенность в бесконечности жизни, физиологически ощущаю себя бессмертным, никаких признаков страха умереть нет, радость, счастье, покой. Иногда – жестокою безнадёжностью, когда опять-таки физически чувствуешь, но теперь уже конечную стадию жизни своего тела, за которым – ничего. Тогда – уныние, тоска и фаустовское чувство временной отсрочки перед грядущим ужасом.

Как ни странно, именно весна ассоциативно связана у меня с образами физического умирания, распада, тлена. Грустно и уныло становится весной, зато в образах осени я ощущаю вечность: “Незримое возрождение в зримом увядании!”

Недопустимо возводить христианские (православные) храмы по технологиям, порождённым потребительской бездуховной цивилизацией. Преступно экономить на строительстве Дома Божьего. Рождаются жуткие химеры, во много крат ужаснее священных пустот на месте погубленных святынь. Это – декоративное христианство, служащее ширмой для пороков и преступлений сегодняшнего богоотступнического мира!

В человеке заложена психологическая тяга к усредненности, однообразию, стереотипности и т. д. Это – одно из проявлений греховного начала. Красота Богом созданного мира – как раз в бесконечности образов, в их потрясающей красоте. Уничтожение многих видов растений и животных, стирание с земли культурных ценностей – всех этих свидетельств бытия Божия – ведёт к всё большему обезличиванию жизни и всё более частому появлению на земле признаков адского небытия.

Провинция – это основа культуры России. Достаточно вспомнить, что все великие творцы отечественного искусства – выходцы именно из провинции. Понять культуру России невозможно, не постигнув всё многообразие образов, рождённых именно провинциальной жизнью. “Огороды русские под холмом седым!” Где они, эти огороды, в пресловутом столичном мегаполисе? Зачем писать о них, об этаким пережитке, а между тем в каждом русском современном городке, посёлке есть они – эти огороды, и кормят русского человека так же, как и кормили сотни лет тому назад. Поэтому – огород был воспеваем и будет воспет ещё не раз (Астафьев, Рубцов и т. д.). Многообразие русской провинциальной жизни определяет весь строй национальной культуры, культуры центристской и собирательной. Поэтому единое культурное пространство России невысказанно без осуществления культурных связей на уровне провинция–столица, провинция–провинция. Сокрушительные удары по разрыву этих связей, продолжающиеся и по сей день, значительно ослабили единство национального культурного поля. Часто слышу, что Москва – это ещё не Россия. Верное утверждение, но надо помнить, что *нет Москвы без русской провинции*. Столица в отрыве от страны перестаёт быть столицей! Я живу в Москве, но мне не хватает России, не хватает ощущения русскости окружающей меня жизни!

За власть над Россией всегда будет вестись жестокая война, ибо тот, кто владеет Россией, будет владеть и миром. И дело здесь не только в колоссальных природных богатствах, способных обеспечить жизнь на всей планете еще многих поколений, но, и это главное, в том колоссальном духовном воздействии, которое Россия оказывала и оказывает на весь мир. Если в мире восторжествует русское духовное сознание, жизнь на Земле пойдёт по совершенно иному, нежели сейчас, пути развития, в основе которого будет стоять духовное совершенствование человека, а не смертоносная для человечества гедонистическая истерия. Понятно, что этого не хотят и смертельно боятся могучие силы, которые всегда хотели уничтожить венец Божьего творения – человека.

Государственное национальное сознание должно постепенно восторжествовать в русском человеке. Формирование государственной элиты, вооружённой сознанием национальной, исторической ответственности перед своей страной, – путь к преображению России.

Нет больших виновников в бедах нашей страны, чем мы сами, русские люди. На нас основная ответственность перед нами самими, перед нашей совестью. Здесь недосмотрели, там не удержали, где-то проморгали, где-то поспособствовали молчанием, непотивлением, неделаньем, пестовали собственную гордыню, самоустранились, надменно “умывали руки”, спорили, бодались, как бараны, на краю пропасти! Теперь расхлёбывать и расхлёбывать. Судьба нашей страны, её истории, её будущего – только в наших руках!

“Был бы Храм, а люди придут”, – аксиома духовного преображения нации.

Трудно поверить, что за последние двадцать лет в России не появилось крупных художественных имён, сопоставимых по достоинству с великими творцами русской культуры предшествующих времён. Однако узнать о них чрезвычайно сложно, ибо любые проявления духовного роста в России с тщательностью скрываются теми, кто смертельно боится подлинного возрождения нашей страны.

Как зарождается музыкальная мысль? Музыка разлита в пространстве. Надо почувствовать её душой. Есть, например, музыкальные районы в Москве, а есть совершенно глухие. В музыкальных – звуковые потоки просто обрушиваются на душу, только успевай записывать. Всё – предметы вокруг, деревья, здания служат источником музыкальных ассоциаций, я называю эти районы – омузыкаленным пространством. Таким районом для меня всегда был восток Москвы, окутанный ореолом некоей мистической таинственности.

...Мчимся по шоссе на автобусе. Вокруг поля, “даль сквозь даль яснее”, храм с высокой колокольней, “как Пасхальная свеча”, посреди простора. Смотришь на храм, а в голове звучит благовест: “Приди ты, немощный, приди ты, радостный...” Бессмертные строчки Аксакова. Тут же записываю мелодию прыгающей от тряски рукой.

Другое пространство – под Угличем. Ослепительная зима вокруг. И опять благовестят аксаковские строчки, уже другой мотив, как песня на неизменных колокольных ударах. Вообще стихи эти предельно безыскусные, но ведь нет им подобных, чтобы вот так врезались в память народную. Есть в них концентрированное выражение русской народной, несумудрой веры, народного Православия, народного идеала жизни в Боге и по Богу. Вот что главное. Хотелось и в музыке передать эту простоту, развернуть бескрайние русские пространства.

В чём подлинность поэзии, музыки, почему одни сочинения забываются, а другие твердятся и повторяются? Не сформулировать такого закона, не объяснить логическими построениями. “Тайна сия велика есть”. Стихи Аксакова по-детски несовершенны, но полны истинной веры. Но разве не мало сочинялось и сочиняется виршей, в которых искренность веры, чистота сердца не может вызывать сомнений (это и в монастырях монахи сочиняют, и светские прихожане). Однако с точки зрения художественного – это есть чепуха, а с точки зрения долговечности и широты распространения – явление явно временное. Значит, есть что-то, что не поддаётся формулировке. Есть категория некоей “летучести”, “лёгкости” художественного произведения. Появившись однажды, они обладают способностью вызывать у людей потребность их повторять и повторять. Притом такими свойствами могут обладать как произведения высокохудожественные, так и, мягко говоря, среднего уровня. Самое счастливое сочетание – это летучесть и высокохудожественность. Таковы произведения Моцарта, Пушкина, Чайковского. Может ли вера оправдать низкий художественный уровень?

Многие современные художники, предполагая, что только лишь “новизна” их конструктивных идей способна обеспечить ценность произведения, не забываются об их оценке и упорядочивании с позиций “музыкальности”. В XX веке сама категория “музыкальность” постепенно упразднялась, что открыло дорогу для разного рода шельмования и самого понятия “музыка”. В искусстве появилось слишком много Хлестаковых!

Необходимо сочинять только ту музыку, которая востребована людьми. Такой всегда не хватало и не хватает!

Звучание русского хора поистине уникально. Например, можно держать лишь один звук или аккорд и, не меняя его, создавать самые разнообразные художественные образы. Этого невозможно достичь при западной манере звукоизвлечения, где сам голос ограничен позиционной постановкой, за рамки которой выйти очень трудно: всё находится в технологической колее “правильно поставленного” голоса, который звучит сам по себе очень красиво, с таким дразнящим слух шуршанием, практически не спускается строй. Пре-

красно исполнять таким звуком полифонию Возрождения, нидерландцев, барокко, где композиционный фактор: интонации, полифоническое сочленение голосов – важнее тембра звучания (как в старинной инструментальной музыке, где вообще был не важен инструмент, на котором игралась та или иная мелодия). Однако подлинных кульминационных взлётов, потрясающих своей напряжённостью, как и глубоких спадов, добиться такой постановкой нельзя. Тем более проигрывает русскому хору звучание симфонического оркестра, где фигурационное движение, чередование нот, пассаж определяют динамику произведения. Большинство современных хормейстеров, к сожалению, не пользуются красочной палитрой русского хора, низводя его именно к симфоническому принципу звучания, хотя многие старые русские дирижёры, в первую очередь Голованов, как раз, наоборот, заставляли оркестр звучать так, как русский хор.

Сам по себе способ воспроизведения музыки, электронный или акустический, не может определять её качество, категорию “современности” и т. д. В известной степени электроника ограничивает и нивелирует чисто музыкальные выразительные возможности, в первую очередь, интонационные, развращая музыкальный слух наподобие того, как может развратиться вкус при потреблении большого количества сладких продуктов. Как говорил Свиридов, в современной музыке “хочется простого чёрного хлеба”. Способ изложения музыки – это лишь оправда, а то, что она обрамляет, её качественная ценность заключена в мелодике, ибо мелодическая интонация способна нести наиболее ёмкое духовное содержание музыкального произведения. И в этом – самое высокое достижение европейской (не только русской) музыкальной культуры, основанной на христианских принципах, которая сейчас подвергается разнообразным операциям по её разрушению и которую необходимо оберегать, сохранять и развивать. Сейчас, возвращаясь в старое, мы продвигаемся вперёд, возвращаясь в прошлое, забытое за последнее время, мы строим фундамент для дальнейшего духовного развития.

Моё эмоциональное состояние зависит от той музыки, которая овладевает моей душой. Она всегда заставляет меня переживать те чувства, с которыми она ассоциируется, с событиями моей жизни. Иногда мучительно хочется, чтобы не прекращались эти воспоминания, хочется навсегда вернуться в то время. Особенно это связано с осенними пейзажами, с осенней тоской, как символом тленности бытия. Такие вещи, как “Осень” или “Поздний день” на стихи Даниила Андреева, напрямую связаны у меня с печальными ощущениями уходящей молодости, утраты чего-то дорогого, к чему нет возврата, пришествия какой-то спокойной обречённости мудрости. О, как дороги мне эти ушедшие времена. Остановить бы мне их, поселиться там навсегда, в этой сладостной томительной муке! Как всё было величественно и прекрасно! Как было необходимо для взросления души! Но какая смертная тоска!

Великие сюжеты мировой литературы вряд ли могут быть воплощены сейчас в музыке с адекватной силой выражения, так как они слишком конкретны по своему сюжетному и драматургическому ряду, слишком привязаны к определённой эпохе, заложенный в них высокий духовный смысл раскрывается посредством событий драматического накала, переизбыток которых к нашему времени девальвирует эмоциональное впечатление о них. Слишком много убийств, слишком много крови пролилось за последний век, так что шекспировские страсти кажутся и не такими уж значительными! Поэтому сейчас необходимо более обобщённое, более символическое музыкальное мышление, не привязанное к конкретным сюжетным событиям: нужно передать в музыке Божественную оценку наших грехов, всей нашей жизни, призвать человека к покаю, вызвать в нём размышления о своём пути, о пути всего человечества.

Музыка по своему происхождению родственна Библии, также может восприниматься как некое откровение, как весть о красоте, всемирной гармонии, переданная нам посредством музыкальных звуков. Строение музыкальной ткани родственно строению мироздания. Например, в музыке, так же как и в цвете – например, в радуге – семь нот. Расположение музыкальных звуков отражает упорядоченное строение вселенной. Да и вообще необъяснимо, откуда и как возникает музыка, как рождается музыкальная мысль, как приходит в мир музыкальная гармония. Многие великие композиторы прошлого,

создавая свои ставшие потом бессмертными произведения, твёрдо верили, что творят Божью волю и рукой их водит сам Господь. Так думали и Бах, и Моцарт, и Мусоргский, и Свиридов. И сейчас, слушая их творения, мы ещё раз убеждаемся в этом...

Хоровое пение – основа музыкального искусства России. От древних церковных распевов, многоголосных крестьянских песен до оперных фресок Мусоргского, симфонических полотен Рахманинова, ораторий Свиридова, – таков путь развития национального музыкального искусства, в котором ощущение великого русского пространства, великой русской истории, величия судьбы России не могли быть выражены иначе, кроме как посредством образов соборного, поистине всенародного пения. Песня – душа земли русской.

Ощущение России как единого, звучащего многими тысячами голосов бесконечного пространства лежит в основе творчества великих русских поэтов: Блока, Есенина, Рубцова, Даниила Андреева, стихотворные строки которых звучат подобно величественным хоровым напевам.

Продвигать музыку вперёд и при этом рассчитывать на быстрое признание этих открытий абсолютно не приходится. Тем более зарабатывать деньги этим. Мало кому удавалось, может быть, таким упёртым характерам, как С. С. Прокофьев! Люди стремятся услышать знакомое. Поэтому сейчас так распространена стилизация, в результате которой музыка топчется на одном месте.

В искусстве ценно лишь то, что первородно, что до тебя не открыто. В этом утверждении нет ничего удивительного: все великие – первооткрыватели, однако в условиях художественной вседозволенности, которая всё больше набирала обороты в то время, а сейчас развилась до гипертрофированных масштабов, при которых художественность превратилась в свою противоположность согласно всем законам диалектики, музыка Свиридова учит сохранению внутреннего стержня, индикатора эстетической чистоты, целомудренности, стремлению к художественным высотам – качествам, которыми всегда должен обладать подлинный художник. Мне представляется, что сейчас, когда все критерии художественного размыты до полного исчезновения, когда понятие “музыка” подменяется понятием “звука”, даже и не музыкального, понятие “ритма” сленговым “драйвом”, следует чаще поверять все явления культуры тем самым внутренним индикатором, который, как неустанный часовой, бдит внутри нашего художественного сознания.

Многие композиторы пишут сейчас во имя идеи создания во что бы то ни стало принципиально нового, чего ещё не было. Этот пафос присущ вообще всей музыке Нового времени. Всех великих, по их мнению, сначала не понимали, ругали, а потом только начинали осознавать, что они были гении. Нынешним авторам тоже представляется, что признание к их творениям обязательно придёт позднее, а сейчас ни аудитория, ни исполнители ещё не доросли до уровня их “шедевров”. Возможно, это и так, однако в результате такого понимания творчества “впрок” возникает неудовлетворённая потребность новой музыки у нынешних, сегодня живущих исполнителей и слушателей. Поэтому я пытаюсь по мере сил как-то заполнить эту пустующую область музыкального творчества. Я пишу так, как будто бы я вовсе не профессионал, обременённый всевозможными образованиями, а рядовой посетитель концертных залов, который желает слышать музыку сегодня, находить в ней созвучие своим мыслям и чувствам. Я разделяю мнение многих слушателей и не могу слушать так называемую “современную” музыку, потому что она слишком скучна для меня, в ней я не слышу чего-то знакомого, близкого для души.

Мне представляется, что современные художники в большой степени опасаются быть серьёзными, поднимать сложные, важные проблемы, предпочитая идти по пути развлекательности, в лучшем случае, “action’a”. Между тем как зритель, мне кажется, сейчас как раз стремится к более глубокому и духовному искусству, затрагивающему сущностные стороны души человека. Интерес к духовному – огромный и, надо заметить, по большей степени не удовлетворённый со стороны творцов нового искусства. Надо не бояться высокого, духовного классического искусства, искусства, если так можно выра-

зиться, дидактического, несущего значимые ценности и проповедующего нравственные начала. Неправда, что народ устал и его необходимо развлекать. От духовной работы ещё никто не уставал, наоборот, сейчас устаёшь от грязного вала пошлой развлекательности, затопившего современное искусство. Приобщать к высшим духовным и художественным ценностям самые широкие круги общества – вот задача деятелей современного творческого цеха. Надо сказать, что никогда эта задача не была столь важна и ответственна. “Надо говорить людям Правду!” (Мусоргский).

Ничто так не помогает мне в моей работе, как осознание своей национальной принадлежности, ощущение русскости, причастности к великой культуре моей страны. Это даёт силы, укрепляет духовно, заставляет стремиться хотя бы в небольшой степени соответствовать тем высоким идеалам, во имя которых трудились мои великие предшественники. Иногда мне представляется, будто бы все поколения моих предков стоят за моей спиной и следят за моей работой, и то, что они со мной, то, что помогают мне, чрезвычайно укрепляет меня во всех моих делах! “И с чувством древности земли такая радость на душе струится!” – это Николай Рубцов определил совершенно точно.

Говорят, что для истинно верующего художественность не только не важна, но и отвлекает от истинно духовного, что она – суть духовная прелесть. Мне представляется, что и религия, и искусство – это две параллельные дороги. Обе они ведут к совершенствованию и возвышению души человека. Душевная и духовная полнота – к этому надо стремиться! Ведь подлинное искусство, как и вера от Бога – они в Небо направлены, туда влекут! Иногда противопоставляют душевную и духовную музыку, как более низкую и более высокую, однако несомненно, что это категории не самой музыки, а степени глубины её постижения человеком. Сама музыка может оцениваться только по степени её художественности, категории абсолютной и вневременной, определяемой лишь соответствием некоему Божественному идеалу, материальному, земному воплощению которого посвящены все труды поколений художников. Да, можно достичь высот веры, будучи совершенно немзыкальным человеком (ведь не каждому дано ощущение “музыкального”), но и высшие проявления искусства музыки не только не противоречат искренней вере, но и подчас приводят к ней. Каждый должен искать свой путь к Богу! Всё “высокое”, что влечёт душу (а совесть человека прекрасно ощущает, что высоко, а что низко), в конечном итоге, дорога к Богу! Задача художника – поднимать художественный уровень современного слушателя, добиваться, чтобы степень художественного воплощения соответствовала высоте духовного смысла. И здесь важно не отпугнуть ту аудиторию, чей культурный уровень пока низок, чей слуховой опыт пока ограничен навязываемой демпинговой “музлой”. Но и до этого уровня нельзя опускаться. Как всегда и во всём, нужна мера!

Процесс сочинения подобен разгадыванию кроссворда: один элемент неправильный – вся конструкция рассыпается. Кроссворд элементов музыки – это есть стиль произведения, за рамки внутренних логических связей которого нельзя выходить. Ощутить этот каркас можно только интуитивно. Мне кажется, многие композиторы не обладают “чувством кроссворда”. Правда, мне могут возразить, что, мол, у каждого свой кроссворд, своё ощущение целого. Это неправильно, потому что, как показала история, долговечны оказались только те произведения, в которых не изменить ни ноты, а сейчас есть такие вещи, которые играй хоть задом наперёд, ни слушатель, да и сам композитор не заметит. В искусстве не может быть своеволия, когда работаешь – исполняешь волю Бога, его законы, понять разумом которые невозможно, их можно только прозревать. Каждое истинное произведение – это маленькая вселенная, модель космоса, чьё непостижимое совершенство ясно указывает на его Божественное происхождение.

Ещё очень важно ощущение ритма. Подлинный ритм отличается мерой чередования, мерой повторяемости явлений. Именно мера отличает ритм от однообразия постоянного повторения, а также и от хаоса произвольного повторения. Это – Божественная категория, её можно почувствовать, нельзя понять. Ритм – это чередование движения и покоя, сменяемых именно в определённый момент времени и определяемый только интуицией. Вот почему

“нирвана вечного покоя”, выраженная в музыкальных направлениях типа “new age”, также как и однообразие монотонных ударов музыки в стиле “рок”, также как и полный ритмический волюнтаризм и нигилизм многих “авангардных” направлений, не имеют ничего общего с выражением Божественной меры и сочленённости движения и покоя, присущим подлинным произведениям искусства. Ощущение ритма является неотъемлемым компонентом чувства “музыкального”. Всё великое должно начинаться и заканчиваться, чтобы иметь способность воспроизводиться вновь. Разомкнутость формы – прямой путь к разрушению гармонии, к хаосу.

Неверным, на наш взгляд, является мнение о том, будто для того чтобы слушать современную музыку, нужна предварительная подготовка, что современный слушатель не владеет языком “модерновых”, так сказать, композиторов, с помощью которого якобы только и возможно выразить те идеи, которые их обуревают. Мол, народ не дорос для понимания музыки “великих композиторов современности”, это – удел “избранной элиты человечества”. Нам представляется, что подлинное произведение искусства, в конечном счёте, не может быть невостребованным. Само его появление в нашем земном мире, как материализованной в звуках духовной субстанции, есть акт Господней воли, поэтому в результате своего земного существования оно призвано выполнить некую духовную миссию, сообщить людям некую духовную информацию, повлиять, и повлиять положительно, облагораживающе на их душевный строй. Вот миссия искусства. Поэтому музыка от Господа обладает качеством “летучести”. Она распространяется вне зависимости от воли людей и способна существовать в длительный период человеческого времени, то есть быть долговечной. Этими качествами не обладают, например, многие современные псевдомузыкальные явления, для распространения которых необходимы принудительные меры в виде мощной электронной рекламы, требующей больших материальных затрат, с прекращением которых сдаётся в архив и само явление. Самое плохое, что многие идеи, выраженные в них, носят деструктивный, антихристианский характер. Сейчас ощущается настоящий духовный голод на музыкальные произведения высокого художественного уровня, несмотря на кошмарное количество звуковой продукции.

К сожалению, многие перестали отличать музыку от её упаковки. Слух современного человека реагирует сейчас, в первую очередь, на атрибуты музыкального изложения, то есть аранжировки, в то время как подлинные музыкальные компоненты, такие как мелодия, гармония, полифония, ритм – уже не являются критерием оценки качества произведения. Важно лишь то, каков “саунд”, достаточно ли блестит обёртка, а то, что под ней – совершенно неважно, поэтому, как правило, сейчас очень много музыкальных фантиков с полным отсутствием конфеты внутри. Мы просто завалены скорлупой, а так хочется попробовать, наконец, и самого ореха!

<...> Простая крестьянская изба – символ христианского, православного образа человеческой жизни. Необходимо сохранять все избы, все эти “пятистенки”. Это – наша связь с Богом. Необходимо сопротивляться умерщвлению российской деревни. Хорошо бы подготовить документы о признании охранных зон старинных деревень, объявить все сохранившиеся дома памятниками истории и культуры. Каждая изба – очаг духовности. Пример одухотворения архитектуры. То, что сейчас строят – бездушно, поэтому бездуховно. Надо пропагандировать духовную ценность жизни по законам наших предков. *“Как миротворно в горницу мою/ по вечерам закатывалось солнце,/ и весь простор небесный и земной/ дышал в оконце счастьем и покоем/ и досто-славной веял стариной,/ и ликовал под ливнями и зноем!”* (Николай Рубцов). Точнее не скажешь! Изба – как центр Вселенной, как пространственной, так и временной,местилище души человеческой.

Теплоходные круизы, совершающиеся по костям десятков затопленных городов, сотен деревень и миллионов загубленных человеческих жизней, напоминают пикник на погосте. Путешествие по российским “рукотворным морям и каналам” должно происходить только как паломничество в память бесчисленного сонма мучеников, жертв “грандиозных строек XX века”, чьи останки моют сейчас волны от проходящих мимо круизных теплоходов с веселящимися на их

палубах буйными толпами “туррыстов”. Наш долг – устроить хотя бы временные часовни на месте братских могил жертв “великих строек” (например, в Угличе или Рыбинске), всем путешествующим необходимо в память о них посещать места их упокоения. Память о наших предках, молитва о спасении их души – неотъемлемое условие спасения наших собственных душ.

В Вологде было разрушено 37 храмов, в Нижнем – 20, в Ельце – 20, в Переславле – 18. И так – по всей России. Необходимо построить их заново, на тех же самых местах, как всегда делали на Руси наши предки после опустошительных вражеских нашествий. Нельзя мириться с навязываемой мыслью, что живём мы-де в так называемую “постхристианскую” эпоху. Хотя и далеко нам до строительного искусства древних каменщиков и плотников, не достигли мы ещё их духовного уровня, несмотря на все технические достижения, но потихоньку надо возвращаться к столбовой русской дороге. Духовность надо восстанавливать прежде всего во всех областях жизни. “Были бы кости – мясо нарастёт”, – говаривал по этому поводу Свиридов. Уровень духовного сознания – вот основа существования нации. Нужна государственная программа восстановления всех храмов России, необходимо деятелям Церкви, культуры, общественности разработать такую программу. И главное здесь не в материальных средствах, а в вере в необходимость и праведность этого дела, в упование на волю Божию, в молитве о ниспослании сил и помощи Божьей. “Так победим”. И мешают нам в этом не злые дяди, прикарманившие богатства российские, а наше собственное неверие, грех уныния, духовная слабость, неспособность творить волю Божию. “Господи, просвети и укрепи в правде Твоей!” Надо быть достойным выполнять волю Божию! Хвала тем, кто по кирпичику восстанавливает глухой монастырёк. Сейчас надо собирать, аккумулировать всё то, что есть хорошего в русской нации, надо больше говорить о добрых делах, это вселяет веру, укрепляет народный дух, надо поддерживать все Богоугодные ростки, надо во всем уметь видеть положительный смысл и акцентировать внимание именно на нём. Надо всегда учиться быть садовниками в саду человеческих душ. Надо укреплять в людях веру и стремление к выполнению Божьей воли.

Г. Свиридов написал в дневнике: “Хочу создать миф о России”. И многие комментаторы этого высказывания трактуют его как противопоставление реальной России идеальному представлению о Святой Руси. Не могу согласиться с утверждением, что Святая Русь – это миф. А как же дивные по красоте храмы, упоительные мелодии песен, завораживающие душу стихи, наконец, сами люди, сонмы подвижников, день и ночь скромно трудящихся во имя любви к родной земле? Ими всегда богата Земля Русская, а сейчас, как мне кажется, их становится ещё больше: времена не простые, высок уровень духовного накала, духовного поиска. Труд их незаметен, но трудом этим держится вся наша жизнь. Следует знать их и учиться жить на их примере. А Свиридов – композитор-духоводец – говорит о пути освоения новой духовной реальности посредством музыки. Только так, мне кажется, можно трактовать высказанную им мысль.

Очень часто обличение, назидательность, запрещение, укоризна, хотя и рождаются из благого желания исправить дурное в человеке, тем не менее приводят к обратным результатам, так как содержат в себе элемент умаления человеческого достоинства, разжигают его гордыню, что становится препятствием на пути исправления. Сколько раз был изгоняем Аввакум именно за это, и не остался бы он в исторической памяти, не превратился бы в легенду, если бы не пострадал сам. Наоборот, положительный пример, самообличение, самоуничтожение благотворно влияют на других людей, пробуждая в них желание задуматься и о собственном несовершенстве. Ничто так не действует на наставляемого, как смирение наставника. Вспомним Сергия Радонежского, который уходил в леса от раздоров своей братии, а они слёзно умоляли его вернуться. Особенно же действенен и заразителен пример духовного счастья. Когда мы видим духовно счастливого человека, мы и сами начинаем стремиться к такому состоянию, духовное счастье не вызывает зависти, но стремление к его достижению. Надо пробуждать и поддерживать в человеке творческое начало.

В любом творчестве содержатся искры Божественного огня, надо не дать им потухнуть!

Почему большая часть транслируемой общественной информации носит негативный характер, как будто бы у нас одни преступники либо их жертвы? Положительный образ жизни оказывает благотворное влияние на психологическое и нравственное состояние народа. Кому необходимо так психологически угнетать людей, ведь преступлений от этой “свободы слова” не убавляется?

В национальной природе русских нет способности к организованным, планомерным действиям по западному принципу, поэтому попытки построения всевозможных “союзов”, “комитетов”, “партий” всегда в России приводили в лучшем случае к полному бездействию, вызывая мысль о якобы “неполноценности” и “неспособности” русских, в худшем – к самым пагубным последствиям, как в эпоху революций (1825-го, 1905-го и т. д., вплоть до сегодняшнего времени). В то же время такие люди, как, например, Сергей Радонежский, Кузьма Минин, Серафим Саровский, способны вершить национальную историю, одухотворять, приводить в движение грандиозную стихийную энергию нашего народа, что невозможно на Западе. Поэтому нашу историю определяет, в первую очередь, духовное состояние нации. Один старец способен творить во сто крат больше, чем самая мощная общественная организация. Формальная организация не способна пробудить духовную стихию. Мусоргский справедливо устами Досифея в “Хованщине” произнёс: “В чём Руси спасенье? В сердце Божьем и вере святой, какие тут иные силы?”

Я глубоко убеждён в том, что ресурсы развития человечества ещё далеко не исчерпаны, и не согласен с утверждением, что мы живём в преапокалиптическую эпоху. Знаки Апокалипсиса можно было распознать во все времена, эсхатологические настроения всегда витали над миром. Да, безусловно, технический прогресс человечества, далеко опередивший его духовный рост, ставит людей на грань между жизнью и смертью, однако именно он открывает колоссальные горизонты для будущего духовного развития. Только от добрых дел, наполненных духовным смыслом, осознания, исполнения Божьего промысла зависит продолжение жизни, которая, при всех её недостатках и ужасах, всё же в основе своей – прекрасна. Человечество только учится жить. Долг художника – учить людей видеть красоту жизни, её Божественность, её первозданность, учить беречь и сохранять эту хрупкую красоту, преумножать её. Жизни восторг – беспределен.

Господи, как я благодарен Тебе за всех тех людей, которые меня окружают, с которыми я когда-либо встречался, с кем был знаком. Честное слово, никого не могу помянуть злым словом. Все для меня делали только хорошее: домашние, друзья, сослуживцы, все те, с кем я сталкивался за время своей жизни. Без них меня бы просто не было, не было моей музыки без их помощи и поддержки. Спасибо, друзья, низкий вам всем поклон. Какое это счастье – быть окружённым такими людьми!